

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ТЕАТРА

Эс

Паневежис — небольшой провинциальный город в Литве — раньше называли театральной Меккой. В 70-е годы попасть на спектакли прославленного коллектива — театра Мильтиниса, как его называли, местному жителю было просто невозможно. Билеты на все 480 мест в зале продавались за месяц вперед. Публика в основном была не паневежская, а из Москвы, Ленинграда, Вильнюса, соседней Латвии. Привлекали необычайно интересные, оригинальные спектакли, поставленные большим мастером — Иозасом Мильтинисом. Да и актерский ансамбль был подобран на славу: Донатас Банионис, Вацловас Бледис, Бронюс Бабкаускас, Гедеминас Карка и другие. Имя литовского города Паневежиса благодаря театру стало широко известно в стране.

Но шло время. Иозас Мильтинис, которому сейчас 82 года, давно уже простился с театром. И хотя состав актеров не очень изменился, сегодня за Паневежским театром той, прежней славы уже нет. Он стал рядовым провинциальным театром со своими будничными проблемами, окунувшимся в политические бури, страсти, митинговое время.

В моей родной Литве политизация общества достигла самых высоких пределов. Национальное возрождение, начало которому положили перестройка, гласность и демократизация, воодушевило литовский народ. В жизнь стали возвращаться давно забытые или сталинизмом запрещенные культурные ценности, традиции, музыка. Митинги захлестнули республику. Эмоции охватили нацию. Многопартийная система стала реальностью. Все громче звучат голоса о выходе Литвы из состава СССР.

Каково же место театра в столь заполитизированном обществе?

На этот вот вопрос я и попытался найти ответ в Паневежисе. Был субботний вечер, днем в городе прошел

Донатас БАНИОНИС:

Постараюсь сыграть мою несыгранную роль

предвыборный митинг. И все же зал на спектакле «Дерево» В. Мысливского был переполнен. Одну из главных ролей исполнял Донатас Банионис. Игра актеров впечатляла, да и сам спектакль, вернее, его сюжет был в духе сегодняшних представлений.

Моего собеседника Донатаса Баниониса читателям, по-видимому, представлять не надо. Народный артист СССР сыграл более 40 ролей в кино, не менее 100 — в театре. Актер, как говорится, с мировым именем.

— Да, в сложное, не интересное время живем сегодня, — начал свой рассказ Донатас Банионис. — На поверхность всплыли все те проблемы, недостатки, большие и малые, о которых раньше было не принято говорить. Началось национальное возрождение. Это хорошие приметы. Я только против резких суждений, необдуманных решений, митинговых эмоций. Они к добру не приведут. Взять хотя бы, к примеру, и наш внеочередной съезд Союза театральных деятелей Литвы. Я лично понимаю позицию моего друга Регимантаса Адомайтиса, ушедшего в отставку с поста председателя правления СТД Литвы после того, когда делегаты проголосовали за выход театрального Союза республики из состава СТД СССР. Он привел серьезные аргументы в пользу своей позиции, заключающиеся в том, что нельзя порвать с СТД СССР. Но, увы, доводы Адомайтиса делегатов не убедили. Я также считаю, что Литовскому театральному союзу необходимо поддерживать и впредь хорошие творческие отношения с СТД СССР, скажем, на паритетных началах, договорной основе.

На мой взгляд, здесь нужен был

компромисс, должны быть учтены и мнение большинства делегатов, и возможные варианты будущих связей с СТД СССР.

Регимантас Адомайтис, безусловно, один из лучших актеров республики и страны, человек думающий, на этот раз был, по-моему, слишком категоричен, что и привело к его отставке. А это очень жаль! Он немало сделал добра для литовского СТД и мог бы еще во многом помочь в решении нелегких театральных проблем.

Вот и наш театр. Раньше о нем шла слава по всей стране. А сегодня мы, увы, — один из рядовых коллективов Литвы. И бед у нас, как и у других, — не счесть. Я лично считаю, что политизация не должна касаться театра. До сих пор вспоминаю слова Мильтиниса, повторяемые им неоднократно: «Дорогие мои артисты! Не ищите сразу новое, а ищите вечное, красивое!» Это и мое кредо. Поэтому я выступаю против идеологизации театра. Если хотите, мое мнение таково: художник не должен служить никакой партии. Да и вообще, нужна ли парторганизация в театре? Я полностью поддерживаю мысль М. Ульянова, высказанную на встрече руководителей творческих союзов, о том, что «художник свободен от идеологизации, от политических догм».

Провинциальный театр сегодня — на последнем месте социальной институции. Ничего нового, по-видимому, не скажу, утверждая, что сегодняшний актер абсолютно социально незащищен. Зарплата — мизерная. Отсутствует статус театра и актера. Профессия артиста нынче — малоуважаемая в обществе. Он живет у черты бедности, поэтому вынужден искать дополнительные заработки: семью-то кормить надо да и одеваться тоже. Для искусства, для совершенствования мастерства времени почти не остается. Если артист материально

был бы нормально обеспечен, то его профессия, вес в обществе были бы более уважаемыми. Я не говорю уже о жилищной проблеме.

Считаю также, что театральные коллективы в провинции, да и не только в провинции, сейчас уж очень громоздки. Раньше, например, в Паневежском театре мы обходились 25—30 актерами, а сейчас нас — 40. В 70-е годы эта немногочисленная труппа артистов поставила прекрасные спектакли, а сегодня? Я говорил недавно в Москве с Михаилом Ульяновым и Олегом Ефремовым. Состав артистов у них от 70 до 150. Они утверждают, что это большая глупость и непозволительная роскошь. Есть актеры, которые годами не заняты, а зарплату, хотя и мизерную, получают. Кому это выгодно? Только глупости!

— Так все-таки, что сегодня нужно провинциальному театру, скажем, паневежскому, чтобы он вновь «завучал»?

— Необходимы коренные реформы театров, денежные «инъекции», меценаты, наконец, нужен закон о театре. Этого всего нет и не скоро, по-видимому, будет. Говорить о хозяйстве в деятельности театра — абсолютная наивность. Школа ведь не может себя содержать. Так же и большое искусство. Нужно, на мой взгляд, чтобы Верховный Совет СССР принял решение, освобождающее от налогов средства предприятия, направляемые на финансирование культуры. Тогда дела пойдут лучше. Но это, как говорится, материальная и юридическая сторона дела. А в художественном плане нашему театру, впрочем, как и другим, нужны новые Мильтинисы, новые творчески мыслящие личности, то есть нужен хороший, талантливый режиссер. Ведь только режиссер, спланировав вокруг себя актеров, дает театру свое направление, воспитывает свою плеяду артистов.

Не могу сказать, что атмосфера в нашем театре после ухода И. Мильтиниса значительно ухудшилась. Я был бы неправ. Но творческий спад не миновал и нас. Сейчас на первое место выдвигается роль коллектива. Хорошо это или плохо? Однозначно ответить не могу. Как и во многих театрах, всеми делами, в том числе постановками, у нас вершит коллективное руководство в составе двух режиссеров, директора, нескольких актеров. Путем голосования решаем все. Однако разве это правильно? Голосованием можно решать социальные вопросы, но только не искусства, это сугубо тонкое, индивидуальное дело, прерогатива режиссера.

Естественно, необходимо театру также хорошие пьесы, причем не так жестко связанные с политикой. Да, конечно, мы сегодня должны разоблачать допускаящиеся преступления, сталинизм, командно-бюрократический стиль работы. Но это ведь не искусство, а что-то вроде бы временное, преходящее. Когда театр только и говорит об этом — мне не по душе. Я верю, что придет время, когда мы откажемся от «газетного» театра и вновь вернемся к героям Шекспира, Чехова, других классиков, которые, прожив столетия, остались сегодняшними. Это вечно, человечно, гуманно.

— Кого в вас больше: актера кино или театра?

— Это трудный для меня вопрос. Не могу точно ответить, что ближе к сердцу — театр или кино. Зависит от того, с каким режиссером и с какими партнерами работаешь. Кино, конечно, мне принесло больше успеха, чем театр. До сих пор, например, считаю, что работа в кинокартине «Никто не хотел умирать» была необыкновенно интересная, поскольку режиссер В. Жалаквичюс дал мне очень многое как артисту. Это, пожалуй, одна из лучших моих ролей. Конрад Волф в художественной ленте «Гойя» был не похож своей манерой на Жалаквичюса, но я тоже многому у него научился. Когда предложили сниматься в «Солярисе», то сценарий показался мне не очень воодушевляющим. Од-

нако картину ставил Андрей Тарковский, а это уж, согласитесь, очень интересно. В кино я вырос как художник, здесь же вышел, как говорится, на мировой рынок, где встретился с выдающимися художниками. Я считаю, что главное в искусстве — образ мышления, который можешь углублять, только находясь среди крупных личностей.

Самый дорогой образ для меня в театре — роль Вилли Ломана в спектакле по пьесе Артура Миллера «Смерть коммивояжера». Самый дорогой театральный режиссер — конечно, Иозас Мильтинис.

— Сыграл ли Д. Банионис в театре или в кино свою самую, самую... роль?

— Вам, может, будет даже смешно, если скажу, что жизнь меня всегда учила: никогда не думай, что вот эта роль для тебя самая лучшая. Как правило, мне удавались те роли в театре или в кино, на которые я шел, не будучи уверенным в том, что они получатся. Вместе с режиссером я был вынужден делать то, чего до сих пор не делал. И получалось «открытие».

Если судьба «подарит» хорошего режиссера, хороший сценарий, то я, конечно, еще раз постараюсь сыграть не сыгранную мою роль. А сейчас я отказался подряд от нескольких предложений сниматься в кино. Да и возраст дает о себе знать. Мне ведь 66. Работаю актером в своем родном театре в Паневежисе, участвую в деятельности СТД Литвы и СССР. Так что и свободного времени не так уж много остается.

Владиславас БУРБУЛИС.
(Наш соб. корр.)

Вильнюс.